

В то мгновение Бай Кэ, казалось, увидел на лице старика тень тоски — она промелькнула так быстро, что он даже усомнился, не показалось ли ему. Спустя мгновение старик уже снова был тем самым ленивым и расслабленным типом: щурился, небрежно кивал и хихикал.

— Скучный ученик, снова встретились.

Бай Кэ промолчал.

Он был просто в отчаянии. Сначала появился этот навязанный ученик, затем, как будто этого было мало, внезапно прибавился навязанный питомец, который, казалось, был в четыре раза больше его самого. А теперь, как вишенка на торте, прям таки объявился навязанный учитель.

Они что, целой группой пришли, чтобы подшутить над ним?

С каменным лицом он посмотрел на Цзюньсяо. Тот выглядел еще более бесстрастным, указал на старика, стоящего перед ними, и объяснил всем:

— Мой прадед, Юй Шисюань.

Закончив, он потянул за рукав старика и, используя технику передачи мыслей, сказал:

— Прадед-селедка! Не устраивай представлений!

Старик искоса посмотрел на него и фыркнул:

— Наконец-то вспомнил, как обращаться?

Цзюньсяо скривил губы:

— А когда я забывал?

Старик, сложив руки в рукава, посмотрел в небо и скривился.

Этот парень действительно каждый раз, встречая его, называл его прадедом, никогда не забывая. Но он имел в виду совсем другое...

С тех пор как Бай Линчэнь рассеял свою душу и вновь вошел в круг перерождений, этот болван стал похож на мертвое дерево. Его угрюмость даже превзошла ту, что была у Бай Линчэня в свое время. Если Бай Линчэнь стал таким из-за того, что жил слишком долго, то этот болван стал таким из-за того, что пережил слишком много: его юношеская озорная натура была стерта жизнью, а вместе с ней и та врожденная живость.

За эти тысячу лет он становился все более безжизненным, целыми днями сидя в этой тайной сфере. Слишком долго он не общался с людьми, и Юй Сянь иногда даже беспокоился, что однажды тот вообще разучится говорить.

Обращение этого болвана к нему также постепенно изменилось с громкого «прадеда-селедки» на сдержанное «прадед». Это было настолько грустно...

Однако Юй Сянь всегда считал, что однажды этот парень снова оживет, потому что срок Бай Линчэня подходил к концу.

И сегодня, встретив Бай Кэ и снова услышав, как Цзюньсяо называет его «прадедом-селедкой», Юй Сянь понял, что время пришло...

Его ученик и правнук, который нес на себе слишком тяжелый груз на протяжении тысячелетий, наконец-то сможет сбросить его и снова начать жить...

Появление Юй Сяня не удивило Цзюньсяо.

На самом деле, еще в доме Бай Кэ он уже послал Юй Сяню сообщение. Точнее, они с прадедом давно высчитывали время. С того года, когда срок Бай Линчэня истек и он вернулся в мир живых, они искали его следы.

Изначально они не планировали, что возрожденный Бай Линчэнь снова займется практикой и однажды снимет с себя ограничения, вернувшись к прежнему облику — этот процесс был слишком мучительным. Они просто хотели найти его рассеянную душу, чтобы он мог жить полноценной жизнью обычного человека, а затем, как пойдет, защищать его до конца жизни.

Но случай Бай Линчэня был особенным. Обычные методы поиска души и духа на нем не работали, поэтому Юй Сянь и Хо Цзюньсяо все эти годы скитались, но так и не нашли ни одного четкого следа. Им удалось лишь сузить область поиска до нескольких соседних городов.

Лишь прошлой ночью, когда Бай Кэ был окружен двумя учениками Врат Хэнтянь и тремя монстрами, Цзюньсяо, находясь в соседнем городе, впервые почувствовал его присутствие. Хотя оно было едва уловимым, это знакомое чувство не могло измениться даже за тысячу лет. Поэтому он смог вовремя прийти на помощь Бай Кэ, хотя в спешке все же попал в ловушку Врат Хэнтянь.

Но как бы то ни было, найти Бай Линчэня, возродившегося как Бай Кэ, для него уже было счастьем.

Если раньше, получив сообщение от Цзюньсяо, Юй Сянь еще сомневался в личности Бай Кэ, то в тот момент, когда тень Арахиса приблизилась к Бай Кэ, и тот выпустил слабый, но знакомый поток духовной энергии, Юй Сянь полностью развеял свои сомнения.

Однако, в отличие от Цзюньсяо, Линь Цзе и Бай Кэ получили немало испуга.

— Погодите!! — Линь Цзе, придя в себя, закатил глаза и, дрожащим пальцем указывая на Юй Сяня, спросил:

— Учитель, как вы его назвали? Юй Шисюань?!

Юй Сянь не удивился, что Цзюньсяо представил его так. Когда они находились за пределами школы, они всегда использовали свои мирские имена до вступления на путь Дао. Ведь такие имена, как «Юньчжэн» или «Юй Сянь», могли одним своим упоминанием напугать множество людей.

Скрестив руки на груди, он фыркнул и посмотрел в небо:

— А что такого в том, что меня зовут Юй Шисюань?

— Автор «Записок Наньхуа» разве не тоже Юй Шисюань?! — продолжил Линь Цзе с выражением полного шока.

Юй Сянь почесал щеку:

— «Записки Наньхуа»?

— Ты же сам написал эту книгу, разве не помнишь? — без эмоций посмотрел на него Цзюньсяо.

Юй Сянь кашлянул:

— Ну... вроде да, кажется, была такая книга.

Бай Кэ указал на Цзюньсяо:

— Он сказал, что в твоей книге, кроме имен и мест, все выдумано.

— Эй, маленький засранец! — Юй Сянь искоса посмотрел на Цзюньсяо, затем на Бай Кэ, подумав: «Прошло уже несколько тысяч лет, а эти неблагодарные все так же любят подставлять меня».

— Эх, мир слишком сложен, это все старые счета, зачем так подробно помнить? — с уверенностью заявил Юй Сянь. — Главное, что написано интересно, правда? Отлично подходит для развлечения, а тебе какое дело?! Не нравится — найди того, кто знает, и поговори с ним лично!

Бай Кэ снова указал на Цзюньсяо, без колебаний подставив его:

— Он сказал, что те, кто знает, либо скрылись, либо уже сгнили.

Линь Цзе молча посмотрел на Цзюньсяо:

— И еще учитель.

Юй Сянь отмахнулся:

— Этот засранец — мой внук, что я скажу, то и будет. Что он может сделать? Попробуй ударить меня!

Цзюньсяо промолчал. Старик, как всегда, ненадежный и бесстыдный.

Бонусная сцена: О Юй Шисюане

Бай Линчэнь, проживший тысячу лет, никогда не думал, что однажды он спустится с горы с семьей, чтобы отпраздновать Праздник середины осени.

Болван Хо Цзюньсяо, проживший семь лет, тоже никогда не думал, что однажды он последует за своим всегда строгим учителем — известным ледяным патриархом Врат Юйшэн, нарушит правила школы, спустится с горы, навестит родителей, братьев и сестер, а затем отправится на ночной рынок в городе.

Однако больше всего он не ожидал, что прадед-селедка, который при спуске с горы был старым и неопрятным, на ночном рынке вдруг превратится в элегантного молодого человека с черными волосами, одетого в просторное ханьфу, с яшмовой короной на голове.

Этот бесстыдный прадед первым делом на рынке купил чистый веер, затем без зазрения совести взял чужую кисть, написал несколько иероглифов с размахом, заплатил немного серебра и, размахивая новым веером, пошел изображать из себя праздного аристократа.

Кто-то, увидев его изысканные манеры, завел разговор и спросил его имя. Тот легонько

помахал веером, с улыбкой в глазах произнес:

— Я — Юй Шисюань.

Болван Хо Цзюньсяо тут же остолбенел.

Даже У Нань, видя, как прадед меняет облик, чтобы привлечь внимание и развлечься, был несколько озадачен.

Из трех «малышей» единственной, кто поддержал Юй Сяня, была младшая сестра Цзюньсяо, Шэнь Хань, которая, пуская слюни, обняла его и больше не отпускала.

Цзюньсяо, остолбеневший на некоторое время, наконец не выдержал и тихонько потянул Бай Линчэня за рукав, спросив:

— Учитель, прадед-селедка сегодня съел что-то не то?

Бай Линчэнь серьезно ответил ему:

— Он уже давно прошел этап инедничества, ему не нужно есть.

— Тогда почему он нарядился так, будто съел что-то грязное?

— Это его настоящий облик. Обычный старый вид — это его намеренная маскировка. Юй Шисюань — это его имя до того, как он вступил на путь Дао. Каждый раз, спускаясь с горы, он снова использует это имя.

Цзюньсяо почувствовал, что его мировоззрение пошатнулось.

— Я слышал только о том, что люди стараются выглядеть красивее, но кто же нарочно делает себя старым и уродливым? Чего прадед добивается?

Идущий впереди Юй Сянь обернулся, посмотрел на него и с уверенностью ответил:

— Чтобы удобнее было старчить!

<http://bllate.org/book/16844/1549948>